

Фёдор Торнау

**ВОСПОМИНАНИЯ
КАВКАЗСКОГО
ОФИЦЕРА**

Москва

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т60

Торнау, Ф. Ф.

Т60 Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау. – М. : Т8RUGRAM, 2017. – 456 с.

Ф. Ф. Торнау – русский офицер, писатель, автор уникальных произведений, представляющих собой исторические документы и литературные памятники одновременно.

В настоящем издании собраны воспоминания Торнау о военных действиях на Кавказе, происходивших в 30-е годы XIX века. Автор рассказывает о том, как он попал в плен к горцам, где провёл целых два года (1836-1838 гг.), подробно описывает нравы и быт местного населения.

Эта книга – прекрасная возможность для каждого читателя посмотреть на мир глазами настоящего русского офицера.

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC014000

Ф.Ф.Торнау. «Воспоминания...»

Имя Федора Федоровича Торнау стало известно прежде всего в связи с его «Воспоминаниями кавказского офицера», в которых речь шла об исследовательских и разведывательных экспедициях автора по неизведанным местностям Западного Кавказа (для обозрения морского берега от Гагры до Геленджика, а также перевалов через Главный Кавказский хребет из Абхазии на Линию) в 1835–1836 гг., зачастую под видом горца. Особо интересная часть «Воспоминаний» охватывает двухлетний период пребывания Торнау в плену у горцев (1836–1838 гг.), с подробным историко-этнографическим обзором жизни и обычаев местных племен и народов.

«Воспоминания кавказского офицера» привлекали внимание читателей особым недоступным миром кавказской жизни, приключенческой окраской неудачных побегов автора, тягот и невзгод плена, романтической историей любви черкешенки Аслан-Коз и многими другими моментами реальной и трогательно-простосердечной исповеди русского офицера.

Впервые «Воспоминания» увидели свет в «Русском вестнике» в 1864 году (в том же году М. Катков напечатал их отдельной книгой) за подписью «Т.», в которой старые кавказцы тотчас узнали Ф. Ф. Торнау. Потомкам повезло меньше. Книга более не переиздавалась и стала дорогим раритетом в домашних библиотеках. Лишь в 2000 году, спустя почти 140 лет после первого ее издания, «Воспоминания кавказского офицера» были переизданы нами вместе со вступительной биографической статьей, послесловием, научно-справочным аппаратом*. Текст воспоминаний был приведен в соответствие с новой орфографией при сохранении всех особенностей авторского текста.

* Ф. Ф. Торнау. «Воспоминаниями кавказского офицера». – М.: АИРО–XX, 2000.

Публикация «Воспоминаний кавказского офицера» вызвала живой интерес к личности Ф. Ф. Торнау, истории Кавказской войны, сохраняющей свою злободневность поныне, нашла свое место в перечне редких, исключительной значимости, книг. Положительные отклики на переиздания сподвигли нас на публикацию всей имеющейся, доступной нам серии воспоминаний Ф. Ф. Торнау, отразивших значительные периоды его жизни и военной службы. Это, прежде всего: *«Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции»*, рассказывающие о первых шагах восемнадцатилетнего прапорщика на военном поприще; *«Воспоминания о Кавказе и Грузии»* – впечатления и события первых месяцев пребывания на Кавказе, включая участие в летней экспедиции в Чечню 1832 года; *«Государь Николай Павлович»* – посещение Петербурга после двухлетнего плена, с подробным описанием встречи с царем Николаем I; *«Гергебиль»* – рассказ об эпизоде Кавказской войны 1843 года, связанный с массовым возмущением горцев под руководством Шамиля*.

Следует указать, что «Воспоминания» Ф. Ф. Торнау писал уже в преклонном возрасте, с учетом не только житейского опыта, но и с учетом Времени, которое многие спорные вопросы ставит на свое законное место в истинном виде. Эта «ретроспективность» воспоминаний придает им характер аналитического произведения, где каждое событие, лицо или эпизод рассмотрены писателем с разных сторон и снабжены основательными выводами.

Начав службу 18-летним прапорщиком в Малой Валахии, все последующие повышения в чине Торнау *«достались... за отличие – редкая вещь в Русской армии»*. Закончил свою службу он в чине генерал-лейтенанта, военным агентом в Вене, членом Военно-ученого комитета Главного штаба.

За это время Россия пережила много серьезных потрясений, исторических перемен и войн, во многом изменивших и определивших ее судьбу. Торнау описал многие из этих событий, постарался вспомнить и запечатлеть все существенные эпизоды, людей и общие образы русского солдата, чтобы не дать *«придать забвению»* их прекрасные черты, геройские поступки:

«Военную историю пишут обыкновенно по прошествии многих лет люди, не участвовавшие в описываемых делах, незнакомые с местом и обстоятельствами, не испытывавшие иногда ни военных трудов, ни ощущений, волнующих душу

* Подробную характеристику «Воспоминаниям...» Ф. Ф. Торнау и его многочисленным материалам по истории, этнографии и географии Западного Кавказа можно найти в работе известного ученого Абхазии, историка и исследователя Кавказа, Григория Алексеевича Дзидзарии (См.: Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1978.). Он же впервые опубликовал список печатных работ Ф. Ф. Торнау, дал ссылки на архивные материалы и документы.

на поле битвы, а почерпающие описание фактов из сухих официальных донесений, редко обнаруживающих нагую истину. Для них участники в былых победах и неудачах имеют значение мертвой цифры, которою искупались известные результаты. Если бы пишущие историю всегда знали, через какие обстоятельства прошли эти деятели былого времени, каким раздирающим впечатлением они подвергались, какие душевные страдания, какие сверхъестественные труды они перенесли, добываясь нередко самых ничтожных результатов, как бы иначе судили они о фактах, как бы иначе ценили людей боровшихся с природой, со смертью, трудившихся всю жизнь и умиравших в каком-нибудь забытом уголку земли с одним помыслом, с одною надеждой – исполнить долг солдата и сберечь народную славу!» [*«Воспоминания о кампании 1829 года...»*, с. 470–471]

Таким образом, произведения Торнау являются важным и достоверным источником по истории России XIX века, от Русско-турецкой войны 1828–29 гг. до событий пореформенной эпохи. Раскрыв эту книгу и влекомый нитью воспоминаний *старого кавказца*, читатель познакомится с некоторыми страницами биографии Ф. Ф. Торнау – раскроет перед собой изумительные, интересные эпизоды его жизни, вовлеченной в бурный водоворот российской военной истории, сможет заглянуть в далекий, давно ушедший от нас мир России второй четверти XIX века, почувствовать непосредственно атмосферу той удивительной эпохи – времени Пушкина и Лермонтова, императора Николая I и декабристов, офицеров, солдат и казаков Русской армии и горцев, грузин и осетин, черкесов и чеченцев, сражавшихся друг с другом в предгорьях и ущельях Кавказа...

* * *

Федора Федоровича Торнау можно назвать человеком, родившимся под «счастливой звездой». Через все сложности и превратности судьбы он прошел путем человека, осененного божественной Благодатью. Потеряв отца (подполковника, артиллериста, участника Отечественной войны 1812 года) в самом раннем детстве, Торнау обрел замечательных наставников и доброжелателей среди талантливых военачальников во время своей военной службы: Ф. К. Гейсмара, П. Х. Граббе, В. Д. Вольховского, Г. В. Розена, А. А. Вельяминова...

Гейсмар и Вельяминов в критические минуты его жизни проявили о нем искреннюю отеческую заботу. В турецкую кампанию 1829 года, находившийся в подчинении Ф. К. Гейсмара в Малой Валахии, молодой офицер заболел тяжелой формой лихорадки и был спасен, перевезен из военного госпиталя в дом Федора Клементьевича и возвращен к жизни уходом и стараниями жены

Гейсмара и его денщика. В чеченской экспедиции 1832 года Ф. Ф. Торнау, тяжело раненый в пах, был вынесен из-под обстрела адъютантом корпусного командира А. Е. Врангелем, и, благодаря личному надзору и участию А. А. Вельяминова, отправившего его под конвоем казаков на лечение на Линию, вторично возвращен к жизни и военной службе. К сожалению, сотрудничество со столь выдающимися людьми длилось недолго. Тяжелое ранение, полученное Гейсмаром во время штурма Варшавы в 1831 году, заставило его оставить военную службу. Со вторым Торнау разлучает двухлетний плен у горцев, в течение которого Алексей Александрович Вельяминов умирает.

Вспоминая Вельяминова, Федор Федорович напишет:

«...память о душевной внимательности, которою этот замечательный человек отличил меня во дни моей ранней молодости всегда служила для меня верным утешением и укрепляла мое терпение, когда я после того встречался с людьми, находившими удовольствие делать мне положительный вред или сорить в глаза шутовским чванством».

Уповая на благосклонность судьбы, Федор Федорович не раз обращает внимание на беспримерные подвиги офицеров, солдат, молодой черкешенки, спасавших его от верной гибели, зачастую ценой собственной жизни. С какой искренней благодарностью Торнау описывает в воспоминаниях юнкера Горского, успевшего при взятии Раховских укреплений в 1829 году защитить его от турка, занесшего над головой смертоносную саблю. Сам Горский к концу штурма умирает от раны, полученной от того же умирающего турка.

«Сам погибай, а товарища выручай!» – эта старая русская заповедь солдата обнаруживает себя и при смелом и благородном поступке А. Е. Врангеля, вынесшего раненого Торнау из-под чеченских пуль, и в самоотверженности казаков во время военных экспедиций, стремившихся не только защитить грудь Торнау во время стычек с горцами, но и укрыть бурками своего командира от холода и ветра на привале в горах. Делом чести и высшего христианского подвига «положить жизни за други своя...» можно назвать многие поступки воинов Русской армии того времени, которые в те времена считались вполне рядовым явлением.

Особую роль суждено было сыграть в судьбе Торнау-пленника красавице-черкешенке Аслан-Коз. Любовь девушки к умному, доброму, храброму русскому офицеру стала легендой благодаря «Воспоминаниям» Федора Федоровича и послужила прообразом вариаций «Кавказского пленника», в том числе и в судьбах героев одноименного рассказа Л. Н. Толстого. Безнадежная любовь, искренняя преданность дружбе и материнская забота Аслан-Коз до

глубины души тронули Торнау и помогли ему в самые тяжелые минуты в плену у горцев. Трижды предпринимавший попытки побега, изнуренный голодом, лишениями и болезнями, прикованный железной цепью с ошейником к стене в холодном неотопляемом сарае – лишенный всех человеческих условий существования – он обретает в дни испытаний искреннюю дружбу и нежнейшую любовь, которой суждено будет остаться безответной. Заявив о непреклонном желании остаться в православной вере, Торнау тем самым разбивает надежды Аслан-Коз на замужество. Предпочитая смерть позорной жизни раба в горском ауле, он вызывает восхищение даже у этих диких, неразвитых людей, знающих, однако, цену мужеству и отваге. Оставляя Аслан-Коз наедине с ее чувствами, Торнау в нравственном отношении далеко оставляет прославленных любовников – героев «Кавказских пленников» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

В этом – его характер, его нравственные ценности, его философия. Ум, доброта, правдивость, твердость и продуманность решений, христианская мудрость – таким он останется на всю оставшуюся жизнь.

Когда-то в молодости, уезжая из Петербурга на Кавказ, Федор Федорович *«предпочел труды боевой жизни праздной службе и блеску паркетных удач»*. В 1839 г., вслед за освобождением из плена у черкесов, Торнау был вызван в Петербург по именному повелению императора Николая I для личной аудиенции и получения наград: ордена Св. Владимира 4 ст. и звания капитана. Ставя правду и дело на одно из главных мест в жизни, Торнау в открытом разговоре с царем излагает истинное, неутешительное положение дел на Кавказе, отмечая слабость Черноморской линии и целесообразность увеличения там общей численности войск. По словам Торнау, в случае европейской войны и прихода неприятельского флота войска Черноморской линии оказались бы перед прямой угрозой пленения: ни одно укрепление не выдержало бы бомбардировки с моря, а пути отступления в горы гарнизонам были бы закрыты горцами. Несмотря на то, что Николай I не увидел на тот момент практической пользы от личного мнения Ф. Ф. Торнау, последующие события, в том числе Крымской войны, полностью подтвердили правильность его выводов, что, безусловно, делает ему честь как профессиональному военному.

Несмотря на слабое здоровье (о чем еще беспокоился И. И. Дибич в 1829 году, определяя его в начале военной карьеры в штабную службу), на угрожавшие жизни не раз тяжелые, смертельные болезни и ранения, Федор Федорович проживет долгую почти 80-летнюю жизнь. Посвятив большую часть жизни служению России, находясь в самых горячих точках на необъятных просторах отечества, он закончит свой жизненный путь 7 января 1890 года в

Эдлице, одном из тихих живописных уголков Нижней Австрии, куда вместе с больной женой он переселился в 1875 году. С Австрией его, начиная с 1856 года, связывала военно-дипломатическая деятельность в качестве русского военного агента в Вене*.

Прожив жизнь человеком скромным, скрывая свой недюжинный ум и профессиональные способности в узком кругу благоволивших к нему людей, старый генерал ушел из жизни так же незаметно и тихо. Лишь опубликованный в газете «Новое время» от 12 января 1890 года некролог скупно упоминал о его служебных и научных заслугах. Но именно литературное наследие Федора Федоровича Торнау принесло ему заслуженную посмертную славу. Многочисленные «Воспоминания...» раскрыли перед читателями многогранность его талантов, глубину его души, остроту ума, доброту сердца – полный перечень прекрасных человеческих качеств русского офицера, облеченных в не менее значимую рамку скромности и верности долгу.

Трудно сказать, что в предлагаемых произведениях окажется важнее: исторический, приключенческий, военно-фактологический материал – или личность самого автора.

Пусть это решит сам читатель...

С. Э. Макарова

* Свою дипломатическую деятельность, относящуюся к 1856–1861 гг. Федор Федорович довольно подробно осветил в воспоминаниях, опубликованных уже после его смерти в 1897 году в «Историческом вестнике» (1897, №№ 1, 2), благодаря рукописи, предоставленной редакции дочерью Ф. Ф. Торнау, г-жой Борк.

ВОСПОМИНАНИЯ О КАВКАЗЕ И ГРУЗИИ

I.

Заключив мои Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции отъездом из Крайова, перехожу прямо к началу моей службы на Кавказе. Не стану говорить ни о годовом пребывании в Яссах, ни о Польской войне 1831 года. В Яссах разыгрался для меня первый роман моей жизни, до того невинный, до того бедный похождениями, что рассказ о нем утомил бы читателя; а сердечные чувства, которыми отличается первая робкая привязанность, да позволят мне сохранить в одной собственной памяти. В Польскую же кампанию обстоятельства были для меня очень неблагоприятны. Мои воспоминания о ней не выходят из тесного круга, в котором дозволено было вращаться егерскому прапорщику, исправлявшему при главной квартире армии должность офицера генерального штаба. Упомяну только, каким образом я из Молдавии попал в армию, действовавшую в Польше, и каким путем выбыл из нее на Кавказ.

С самого начала войны, когда войска наши двинулись к Праге, генерал Гейсмар был назначен командиром авангарда. При этом случае он не забыл выпросить под свое начальство меня и Веригина, моего неразлучного товарища в 1829 году. Веригин, служивший в Кинбурнском драгунском полку, находился вблизи театра военных действий; для него было нетрудно вовремя поспеть к любимому начальнику, при котором он, к сожалению, находился недолго, потому что имел несчастье под Дембо-Вельки попасть в плен к полякам. Приказание приехать в Букурешт для сдачи статистических сведений, которые я собирал в Молдавии, и после того сорокадневный карантин в

Скулянах принудили меня потерять много времени по-пустому. Освободившись из карантинного чистилища, я поскакал в Царство Польское по прямой дороге, считая ее, как следовало думать, ближайшим путем к месту моего назначения. Оказалось иначе. Дверницкий прорвался тем временем на Волынь, польская шляхта повстала, на дорогах появились разбойничьи шайки, и прямое сообщение с главной армией прекратилось для одиночных путешественников. Дивизионный командир, генерал-лейтенант Свечин, задержал меня по этому случаю в Дубно недели на две и отпустил в отряд генерала Ридигера не прежде, как было получено известие о Биромлинском деле, после которого Дверницкий отступил к австрийской границе.

Ридигер, которому я был известен по предыдущей кампании, остановил меня в свою очередь и, нуждаясь в офицерах генерального штаба, заставил исправлять квартирмейстерскую должность при первой драгунской дивизии. В главную квартиру армии он отправил меня с депешами из-под Замостья, когда после Остроленского сражения дороги в Литве начали очищаться от повстанцев. В село Клешово, близ Пултуска, где находилась главная квартира, я имел несчастье приехать в самый день смерти графа Дибича и к довершению горя не застал Гейсмара в армии. За неудачу, понесенную им под Прагой, его отрешили от командования и удалили в Россию. Гейсмар страдал за чужую вину, но впоследствии оправдался и в первый день Варшавского штурма принудил своих завистников совершенно замолкнуть, атаковав польский передовой редут и овладев им с быстротой, отличавшею все его действия в Турецкую кампанию. Покамест никто не предвидел будущего благоприятного поворота его судьбы, все считали его человеком с погибшею репутацией, и совесть мучила меня за то, что я не поспел разделить с ним беду, пользовавшись выгодами прежних удач, которыми он так охотно делился со своими подчиненными. К моему счастью, я имел случай явиться к нему после занятия Варшавы, когда он, тяжело раненый при взятии передового пятиугольного редута, лежал в одной из окрестных деревень, и совершенно очистить себя в его мнении насчет причины моего неприбытия к нему в авангард.

В главной квартире продержали меня до перехода через Вислу возле Оссека и после того командировали в авангард, к графу Виту, при котором я находился также во время двухдневного штурма варшавских укреплений. Кто бы пожелал ближе познакомиться с подробностями этого кровавого эпизода